

Проснулся он в той же камере. Кляп и наручники исчезли, но его запястья до сих пор болели.

Локи вытянул ноги вперед, наслаждаясь ощущением двигающихся без боли мышц. Он чувствовал себя легче, словно его кости переплавили в новое вещество. Оно приводило в замешательство, это чувство, эта невесомость в самом его организме, что если бы не вес вокруг запястий, его могло бы в любой момент унести прочь. Он перебрал пальцами по руке, и ноготь зацепился за тонкую, почти невидимую прядь вокруг его запястья, еще одна, такая же, опоясывала второе.

Ох, выдохнул он с облегчением. Его магия была связана. Он потерев нить, растирая тонкий шнурок между пальцами - против его хватки воздушная паутинка не представляла собой ничего, но, даже не пробуя, он знал, что она была так же нерушима, как и невидима смертным, окружающим его. Локи взглянул на свои запястья, и издал удивленный вскрик, когда осознал, что и он сам тоже не видит этих прядей.

Но если он не может видеть пряди, если они невидимы для него...

Локи выпустил медленный судорожный выдох. Один знал, где он находится, и не планировал его забирать. Подбородок бога уперся в грудь, его голова так отяжелела, что он больше не мог ее держать, и он сжался в комок, притягивая запястья к груди и прижимая к ним лицо. Глаза обожгло влагой, горячей и прозрачной, и он прикусил внутреннюю сторону щеки, чтобы удержаться от крика.

Если Один бросил его в Мидгарде, бессильного и смертного, то что тогда, и они тоже не даруют ему смерти? Обречен ли он быть их игрушкой еще одну вечность, брошенный, как Танос говорил, что он...

- Подходящее время, чтобы проснуться, настоящая сила, - пролаял за его спиной из-за стекла голос Фьюри, и Локи заставил себя сесть, прижимаясь спиной к стене. Голова кружилась, комната была белой и вращалась в странном ритме; он посмотрел туда, откуда раздался голос, но окружающий мир медленно полз перед его глазами слева направо - волнистые узоры из отголосков образов и фигур, маячивших снаружи стекла.

- Что вы со мной сделали? - прошептал он и широко зевнул, чтобы избавиться от неприятного привкуса во рту.

Фьюри ухмыльнулся, и Локи еще сильнее вжался в стену.

- Ты хоть знаешь, каких денег стоит тебя усыпить? За две недели твоего сна набегает внушительная сумма. Давай просто скажем так - твой новый друг Старк пообещал мне в обмен несколько очень больших и очень дорогих Хелликериеров.

- Что я здесь делаю? - выдавил Локи; в горло как будто насыпали песок и опалили огнем, а губы болели даже от слабых движений, словно он так долго не разговаривал, что мышцы забыли,

как двигаться.

- Мы с Всеотцом заключили сделку. Ты получаешь условный срок на Земле, а в обмен мы задаем несколько вопросов. О, и ты теперь тоже смертный. Так что давай тут без фокусов, ублюдок.

Локи засмеялся.

Смех начался как низкое беспомощное хихиканье, а потом все нарастал и нарастал, пока его плечи не затряслись, а по щекам не побежали слезы.

Локи смеялся и смеялся, пока не заныли бока, пока не покраснели глаза, а зрение не затуманило слезами, и тогда он перекатился на бок. Он не слышал, как ушел Фьюри, он не слышал, как разомкнулись замки или грохота подноса, просунутого через отверстие слева от него, он не слышал, как снаружи сменялись охранники. Это было уже чересчур, слишком много и слишком тяжело, и, подумать только, ему объявили такое же наказание, как и у Тора, - ссылка в качестве смертного в Мидгард, - но даже сейчас, хах, даже сейчас он не был равным Тору. Он был передан, наказан Асгардом - они оставили его под заботливой опекой человечества, оставили им на потеху как инопланетного монстра в клетке.

Фьюри будет его пытаться, разберет по швам и выпотрошит внутренности, только, чтобы посмотреть, как устроен чужой бог. Раскроет все его секреты; вытянет по капле его сейд... и затем, когда с ним закончат, может быть, вдруг так случится, если Локи достаточно повезет, он позволит ему умереть. В его намерениях не было никаких сомнений. Ибо когда Щ.И.Т. задаст свои вопросы, Локи не сможет на них ответить - он не ответит, он ничего им не даст, больше никаких способов ему навредить - человечество, а оно то же самое, что и везде, такое же грязное, извращенное и развращенное, и оно попытается причинить ему боль. Совсем как...

Локи подавил сдавивший горло вой и сморгнул предательские слезы. Неважно. Неважно. Что бы они с ним ни сделали, неважно, потому что ничто не может сравниться - вообще ничто не может сравниться - с той черной и мерзкой, и промозглой тюрмой, где он гнил, сломленный, покрытый синяками и забытый.

Нежеланный.

Он скрутился на тонком матрасе, подоткнул колени поближе к груди и заснул.

Тревожные сны снились ему в его первый за многие годы настоящий отдых, первый с тех пор, как Иной и Танос вырвали его из небытия, с тех пор, как он упал среди льда и снега, и черных глубин бездны. Из ничего в ничего.

Но в то же время здесь было что-то, был кто-то, и Локи вспомнил чувство бесконечного мгновения агонии. Он вспомнил кошмар, что существовал внутри, в промежутке, в забвении между жизнью и смертью и знанием, но ненастоящим знанием того, что наступит следом. Как

Иной снова и снова, и снова разрывал Локи на части, и красный, красный, яркий красный, что нес в себе так много обещаний, и желтый (или это был золотой? сейчас он не мог вспомнить), размазанный поверху мерзкими касаниями, и звуки, которые издавал молодой бог, ох, и звуки, и крики, и мольбы, и так много, так много пожеланий, чтобы это закончилось, чтобы все наконец закончилось, и, ох, как же много, слишком много, так много звуков, так много цветов...

Он проснулся с испуганным вскриком и в ужасе взглянул вниз, на синеву, крадущуюся от кончиков его пальцев и дальше по ладони. Локи вновь закричал, но ничего не случилось, синева не пропала, и он засунул свои трясущиеся, неестественно окрашенные руки под ноги, когда стражники устали на него через стекло.

Это ограничения его сейда, думал Локи. Почему-то оковы Одина не смогли подавить душевное страдание Локи, и иллюзию облика аса стянуло с него, отбросило за пределы ее сил. И сквозь нее выглянула истинная природа бога, монстр, скрывающийся под ней.

Ну конечно, именно сейчас покажется монстр. Там, где его присутствие не заставит Одина попросту казнить ледяного великана, которого он вырядил принцем, или навечно упрятать его подальше, упрятать этот нелепый облик, скрытый под сейдом самого Одина.

Но люди могут заметить, они могут разобрать его по кусочкам, лишь бы увидеть, из какой это магии сделано его тело, как высоко чужой сможет подпрыгнуть для своих тюремщиков, пока они стремятся выяснить, зафиксировать и понять эти голубые линии, медленно окутывающие руки Локи. Он сгорбился, желая, чтобы руки перестали трястись, желая, чтобы глаза закрылись.

Желая, чтобы кошмары закончились.

<http://tl.rulate.ru/book/73541/2044527>